

СОДЕРЖАНИЕ

<i>М. Елизаров. Homo Militaris. О поэтике Гайдара</i>	5
Берись за оружие, комсомольское племя!	13
В дни поражений и побед	17
Бумбараш	175
Лёвка Демченко	248
Распущенность	262
Серёжка Чубатов	265
Бомба	269
Никчёмная смерть	272
Ночь в карауле	275
Проводы	278
Ударник	281
Орудийный ключ	287
Бандитское гнездо	290
Перебежчики	296

Гибель 4-й роты	301
Фронтовые очерки 1941.....	306
У переправы.....	306
Мост.....	310
Война и дети	318
У переднего края.....	323
Ракеты и гранаты	328
Клятва Тимура (Киносценарий).....	335

НОМО MILITARIS **О поэтике Гайдара**

Нет у него ни одной повести, ни одного рассказа, в которых не появились бы командир, красноармеец. Те, что ещё в строю или которые уже своё отслужили, отвоевали. И всегда, хотя бы эхом грома гальных батарей, военным эшелонем, промчавшимся мимо окон пассажирского поезда, или часовым на посту, но всегда и непременно присутствует в его книгах Красная Армия. И нет для него ничего святей знамён Красной Армии, и поэтому всё, что ни есть на свете хорошего, это у него — солдатское...

Тимур Гайдар

Не беллетризованная автобиография. Не про революцию или Гражданскую войну. И не про детство в Гражданскую. Да вообще, по большому счёту, не про детей, даже если они куда-то там пробираются, чтобы помочь, едут на поезде к отцу встречать Новый год, разоблачают шпионов и диверсантов, тайно оказывают «добрые услуги» советскому населению. И заодно не про голубую чашку и взрослые житейские разлады в семье. Это всё фабулы, но не Смыслы.

Да и не «стилист» — если понимать под этим не умение «пересмешничать» (что Гайдар, впрочем, делает превосходно), а оригинальную работу с тропами. У Гайдара тропы скупы, единичны и скорее исключение, чем норма: «...села у окна, в которое мягко бились пересыпанные снежными цветами чёрные волосы зимней ночи».

Основной «приём» Гайдара — клишированные ритмы и ритмизированные клише, которые в зависимости от задачи и сюжета работают как на героикоромантическую патетику («И я попросил пленного осетина: — Тебе всё равно умирать. Вложи патрон в пулемёт, наведи его на меня и выстрели мне в голову»), так и на пародийное понижение, травестирование («И это наша молодёжь! Наше светлое будущее! За это ли (не говорю о себе, а спрашиваю тебя, старик Яков!) боролся ты и страдал? Звенел кандалами и взывал чапаевскую саблю! А когда было нужно, то шёл, не содрогаясь, на эшафот...»).

Нелепо приписывать Гайдару как военные преступления, так и магическую работу «лиса-оборотня», который при помощи «медийного хвоста» долгие годы наводил на страну «коллективный советский морок». Гайдар не занимался придумыванием СССР или советского детства. Скорее наоборот, страна «придумывала» Гайдара.

Идея о литературном герое как модели Мироздания была высказана ещё Бахтиным. Из поэтики героя складывается поэтика сюжета и художественный универсум. Ноу-хау Гайдара, его уникальность и мастерство — герой, рефлексирующий Homo Militaris, человек армейский.

Опальному маршалу Тухачевскому приписывают две фразы, якобы произнесённые им перед рас-

стрелом: «Да здравствует Красная Армия!» и «Мне кажется, что я сплю». Предсмертные эти фразы максимально полно охватывают природу гайдаровской поэтики (его Мифоса и Логоса), возникающей из синтеза диурна и ноктюрна — в терминологии Жильбера Дюрана и его теории «имажинер», описывающей структуру человеческого воображения.

В нашем понимании речь идёт о «метафизическом зазоре» между первопонятием и нозмой, между «творением» и «воспроизведением», который может проявляться в двух «режимах»: дневном (диурне) и ночном (ноктюрне). Основное отличие режимов лежит в подсознательной реакции индивида на смерть. Режиму диурна соответствует героический солярный миф, гигантизм, высшее «бодрствование», а режиму ноктюрна — мистический и драматический мифы, карликовость (она же детскость), ночь, лунность, сон. Представители диурна — герои, воины, все те, кто вступают в активную схватку со смертью. Люди ноктюрна растворяются, засыпают в смерти либо прилепляются к ней, как дитя к матери.

Именно из дуализма диурна — ноктюрна и возникает самобытный гайдаровский мир урождённого воина, которому из текста в текст снится, что он всё ещё ребёнок. И в этом (предельно милитаризованном) сне о детстве, конечно же, находится место рефлексии и страху.

«Приснился Геку странный сон!
Как будто страшный Турворон
Плюёт слюной, как кипятком,
Грозит железным кулаком.

Кругом пожар! В снегу следы!
Идут солдатские ряды.

И волокут из дальних мест
Кривой фашистский флаг и крест.

— Пойдите! — закричал им Гек. — Вы не туда идёте! Здесь нельзя!

Но никто не постоял, и его, Гека, не слушали. В гневе тогда выхватил Гек жестяную сигнальную дуду, ту, что лежала у Чука в картонке из-под ботинок, и загудел так громко, что быстро поднял голову задумчивый командир железного бронепоезда, властно махнул рукой — и разом ударили залпом его тяжёлые и грозные орудия».

Вселенная Гайдара строго дуалистична, и основная дихотомическая пара её «солдатское — несолдатское» (военный аналог «сакрального — профанного») исправно воспроизводится в каждом гайдаровском тексте, вне зависимости от фабулы.

«— Папа! — сказал я, когда последний отзвук его голоса тихо замер над прекрасной рекой Истрой. — Это хорошая песня, но ведь это же не солдатская.

Он нахмурился:

— Как не солдатская? Ну, вот: это горы. Сумерки. Идёт отряд. Он устал, идти трудно. За плечами выкладка шестьдесят фунтов... винтовка, патроны. А на перевале белые. „Погодите, — говорит командир, — ещё немного, дойдём, собьём... тогда и отдохнём... Кто до утра, а кто и навеки...“ Как не солдатская? Очень даже солдатская!»

„Отец был хороший, — подумал я. — Он носил высокие сапоги, серую рубашку, он сам колот дрова, ел за обедом гречневую кашу и даже зимой распахивал окно, когда мимо нашего дома с песнями проходила Красная Армия“».

Отрицательный персонаж «Судьбы барабанщика» — лжедядя и шпион — тоже бывший солдат, и Гайдар, отдавая должное врагу, всё ж рисует его и остроумным, и по-своему симпатичным.

«Он [Славка] посмотрел на дядю, улыбнулся и спросил:

— Это вы вчера стреляли в тире и поправили меня, чтобы я не сваливал набок мушку? Ой, вы хорошо стреляете!

— Старый стрелок-пехотинец, — скромно ответил дядя. — Стрелял в германскую, стрелял и в гражданскую».

В «Школе», «Судьбе барабанщика», «Военной тайне» нам предстают два главных протагониста творчества Гайдара: Заснувший (впавший) в Детство Солдат (а детство для Гайдара — это испытание, наказание «карликовостью», что-то вроде злых чар из сказки «Чудесное путешествие Нильса с дикими гусями», когда гном в назидание уменьшает Нильса) и Мифологизированная Материя (она же Красная Армия), метаэмпирическая сущность, которая представляет полюс Добра и Правды. Неслучайно во многих текстах Гайдара Красная Армия неизменно выполняет роль «Deus ex machina» — высшей силы, что приходит на помощь и восстанавливает справедливость.

«Узнала Красная Армия про нашу беду. Затрубили трубачи во все сигнальные трубы. Забили барабанщики во все громкие барабаны. Развернули знаменосцы все боевые знамёна. Мчится и скачет на помощь вся Красная Армия».

В земном, «материальном» воплощении Красная Армия выполняет роль эзотерического рыцарского Ордена, с которым у героя однажды была установле-

на связь. «Армейское» для Гайдара носит сакральное происхождение, поэтому и связь не может быть прервана — она навеки. Отсюда один из частых мотивов у Гайдара: временно отлучённый от Армии воин, тоскующий о боевом братстве.

Всё прошло. Но дымят пожарища,
Слышны рокоты бурь вдали.
Все ушли от Гайдара товарищи.
Дальше, дальше вперёд ушли...

В этом контексте становится понятной «невыдаваемая» Военная Тайна, которую так настойчиво выбивают из Мальчиша-Кибальчиша буржуины:

«Вы спросите, буржуины:

— Нет ли, Мальчиш, у Красной Армии военного секрета? Пусть он расскажет секрет».

«Военная тайна» — не «вересковый мёд» Стивенсона, о котором можно проболтаться под пыткой. Поскольку Красная Армия — преемственный Хранитель боевого духовного влияния, то и тайна носит «нечеловеческий» характер.

Природа инициатической тайны невыразима, «несказуема» — слова её не выражают. Кибальчиш даже при желании не смог бы раскрыть её и передать другому.

«— Нет, Главный Буржуин, не открыл нам Мальчиш-Кибальчиш Военной Тайны. Рассмеялся он нам в лицо».

В ноктюрнической «ночной» реальности преобладает зыбкая логика сна. К примеру, Серёжа Щербачов из «Судьбы барабанщика» записывает на «шпионской» бумаге стихи, и они исчезают:

«Я потянулся к листку со стихами и, просто говоря, обалдел. Первых четырёх только что написанных

мною строк на бумаге уже не было. А пятая, та, где говорилось о стоящих на берегу девицах, быстро таяла на моих глазах, как сухой белый лёд, не оставляя на этой колдовской бумаге ни следа, ни пятнышка».

Слова и поступки героев порывисты, иррациональны (и безнаказанны), как бывает только во сне. Но при этом в сновидческом ноктюрне неизменно разыгрывается (в сути ретроспективно) инициативный сценарий, пробуждающий героя в диурническую реальность воина. Возвращение» происходит через смерть (либо символические её заменители — ранение, асфиксия).

В повести «Дым в лесу» переход-пробуждение происходит в реке Кальве (воды — символ инобытия): «...тут в рот и в нос мне ударила волна. Я захлебнулся, бестолково замахал руками и опять услышал голоса, шум и лай. Тут налетела опять волна, опрокинула меня с живота на спину, и что я последнее помню — это тонкий луч солнца сквозь тучи и чью-то страшную морду, которая, широко открыв зубастую пасть, кинулась мне на грудь».

В повести «Школа» Борис Гориков «пробуждается» пулевым ранением: «В тот момент, когда передовые части уже врывались в предместье, пуля ударила меня в правый бок. Я пошатнулся и сел на мягкий истоптанный снег. „Это ничего, — подумал я, — это ничего. Раз я в сознании — значит, не убит... Раз не убит — значит, выживу“. Пехотинцы чёрными точками мелькали где-то далеко впереди. „Это ничего, — подумал я, придерживаясь рукой за куст и прислоняя к ветвям голову. — Скоро придут санитары и заберут меня“. Поле стихло, но где-то на соседнем участке ещё шёл бой. Там глухо гудели тучи, там взвилась одинокая ракета и повисла в небе огненно-жёлтой

кометой. Струйки тёплой крови просачивались через гимнастёрку. „А что, если санитары не придут, и я умру?“ — подумал я, закрывая глаза».

Такое же «ранение-в-смерть» пробуждает героя «Судьбы барабанщика». Момент перехода сопровождается «звук», потому что пуля попадает Серёже в горло — источник речи, голоса.

«...И раздался звук, ясный, ровный, как будто бы кто-то задел большую певучую струну и она, обрадованная, давно никем не тронутая, задрожала, зазвенела, поражая весь мир удивительной чистотой своего тона. Звук всё нарастал и креп, а вместе с ним вырастал и креп я. „Выпрямляйся, барабанщик! — уже тепло и ласково подсказал мне всё тот же голос. — Встань и не гнись! Пришла пора!“ И я сжал браунинг. Встал и выпрямился... И в следующее же мгновение пуля, выпущенная тем, кого я ещё так недавно звал дядей, крепко заткнула мне горло. Но, даже падая, я не переставал слышать всё тот же звук, чистый и ясный, который не смогли заглушить ни внезапно прогремевшие по саду выстрелы, ни тяжёлый удар разорвавшейся неподалёку бомбы».

Специфика гайдаровского универсума такова, что ноктюрн диалектически всегда подчинён диурну, хотя главный герой (заснувший в детство солдат) ещё не знает об этом и, преодолевая себя, совершает во сне подвиг. Когда он проснётся, то сразу вспомнит себя, сольётся с красноармейским Абсолютом и забудет тем, кем являлся всегда, — воином, победившим страх смерти и саму смерть.

Михаил Елизаров

БЕРИСЬ ЗА ОРУЖИЕ, КОМСОМОЛЬСКОЕ ПЛЕМЯ!

Война!

Ты говоришь: я ненавижу врага. Я презираю смерть. Дайте винтовку, и я пулей и штыком пойду защищать Родину.

Всё тебе кажется простым и ясным.

Приклад к плечу, нажал спуск — загремел выстрел.

Лицом к лицу, с глазу на глаз — сверкнул яростно выброшенный вперёд клинок, и с пропоротой грудью враг рухнул.

Всё это верно. Но если ты не сумеешь поставить правильно прицел, то твоя пуля бесцельно, совсем не пугая и даже ободряя врага, пролетит мимо.

Ты бестолково бросишь гранату, она не разорвётся.

В гневе, стиснув зубы, ты ринешься на врага в атаку. Прорвёшься через огонь, занесёшь штык. Но если ты не привык бегать, твой удар будет слаб и бессилён.

И тебе правильно говорят: учись, пока не поздно. Когда тебя призовут под боевые знамена, командиры будут учить тебя, но твой долг знать военное дело, быть всегда готовым к боям.

Тебе дадут винтовку, автомат, ручной пулемёт, разных образцов гранаты. В умелых руках, при горячем, преданном Родине сердце это сила грозная и страшная. Без умения, без сноровки твоё горячее сердце вспыхнет на поле боя, как яркая сигнальная ракета, выпущенная без цели и смысла, и тотчас же погаснет, ничего не показав, истраченная зря...

Комсомолец, школьник, пионер, юный патриот, война ещё только начинается, и знай, что ты ещё нужен будешь в бою.

Приходи к нам на помощь не только смелым, но и умелым. Приходи к нам таким, чтобы ты сразу, вот тут же рядом, быстро отрыл себе надежный окоп, хлопнул по рыхлой груде земли лопатой, обмял ладонью ямку для патронов, закрыл от песка лопухом гранату, метнул глазом — поставил прицел. Потом закурил и сказал: «Здравствуйте все, кто есть слева и справа».

Поняв, что ты начал не с того, чтобы сразу просить помощи, что тебе не нужно ни военных нянек, ни мамок, тебя полюбят и слева и справа.

И знай, что даже где-то на далёком фланге подносчик патронов, связной или перевязывающий раны санитар кому-то непременно скажет:

— Прислали пополнение. Видел одного. Молодой и, наверное, комсомолец.

— Ну! Прыгает?

— Ничего не прыгает. Сел на место, окопался, молчит и работает.

Двадцать два года тому назад, в эти же августовские дни, я, тогда ещё мальчишка, комсомолец, был с комсомольцами на фронтах Украины в этих же местах.

Какие были среди нас политики! Какие стратеги! Как свободно и просто разрешали мы проблемы европейского и мирового масштаба.

Но, увы! Учились мы военному делу тогда мало. Дисциплина хромала. Стреляли неважно и искренне думали, что обрезать напильником стволы у винтовки нам не разрешают только из-за косности военспецов главного штаба.

Но нас в армии было тогда ещё немного. За молодость бородатые дяди нас любили. Многое нам прощали и относились к нам покровительственно, благодушно.

Теперь время совсем не то. Сейчас комсомол — большая сила в Армии.

В грозные для одного большого города дни встали недавно у сложных оружейных расчётов студенты-математики, комсомольцы.

За баррикадами из мешков песка, возле тяжёлых противотанковых пулемётов стояли запасными номерами наводчики-комсомольцы.

На окраинах города уже шёл бой, а они всё ещё спешно и жадно, как перед самым важным в жизни экзаменом, заглядывали в стрелковые таблицы.

Вот и ты приходишь с учебы, с работы. Ты знаешь, что тебе ночью ещё нужно дежурить на чердаке, на крыше. И всё-таки, наверное, ты берёшь боевой устав. Ты идёшь в военный кружок. Ты становишься в строй.

Жжёт ли солнце, льёт ли дождь, покрыты ли суровой тьмой улицы твоего родного города, люди слышат твои твёрдые шаги, слова команды и стук винтовочного приклада, опущенного на гулкую мостовую.

Аркадий Гайдар

А ночью за чёрной маскировочной шторой ты, наверное, сидишь, изучая тяжёлую ручную гранату, огонь которой вместе с огнём твоих глаз и твоего сердца взорвёт и испепелит тех, кого мы все так клятвенно и непримиримо ненавидим.

Берись за оружие, комсомольское племя!

Москва, 1941 г., август

В ДНИ ПОРАЖЕНИЙ И ПОБЕД*

Часть первая

I

Сергей получил от приятеля такое письмо:

«Ты, по всей вероятности, думаешь, что я спокойно сижу на агиткурсах, куда послал меня Комсомол, но в таком случае ты глубоко ошибаешься. Не в моём характере работать словом тогда, когда можно агитировать руками, а потому с агитационных я ушёл на Командные Курсы Красной Армии, где нахожусь уже 2-ю неделю. Через 10 дней мы в полном составе уезжаем в только что очищенную от петлюровцев Украину — в Киев. Ты себе представить не можешь, как рады этому все наши ребята. Ещё бы! Работа в этой стороне должна быть живой и интересной. Мой горячий совет тебе: бери немедленно документы и аттестации из Горкома и валяй тоже вместе с нами. Будем работать и учиться вдвоём. Только решай скорей — времени осталось мало. Жду тебя. А пока крепко жму твою лапу. Прощай.

Твой Колька».

* Орфография и пунктуация автора сохранены.